

Немецкая лаконичность, балетные острова и встречи на Эльбе...

Культура. – 2006. – 2-15 ноября. – с. 16.

Путевые заметки

Не знаю, как вы, а я люблю актерские рассказы – с точными деталями, вкусными подробностями, острыми характеристиками. Рассказывают артисты чаще всего там, где своя команда, актерская братия “прописана” не на один день: у челяковских костров, в кортусах “Рузы”, на пляжах Сочи. Один из непревзойденных рассказчиков – народный артист России Федор ЧЕХАНКОВ. Он и открыл самую нерегулярную рубрику нашей газеты – “Путевые заметки”. И сегодня, когда за окном темнеющая осень, а лето уже забывается вместе с солнцем, морем, грибами, ягодами и бесечными посиделками, Федор Яковлевич напоминает нам о театральных каникулах, которые у него всегда связаны с познавательными путешествиями.

Берлинская мозаика

Первым пунктом моего летнего вояжа стала Германия, а точнее – Берлин, где я долго, с советских времен, не бывал. В те годы мы в составе концертных групп ненадолго, иногда и всего часа на два, попадали в столицу ГДР. Помимо обязательной программы – пробежки по магазинам – непременно подходили к Бранденбургским воротам и завороченно представляли себе неведомый облик Западного Берлина с Рейхстагом, свободой и всеми приметам капиталистического благополучия. Сейчас это единый свободный город, где все – рядом, все – удобно. Жил я в “Русском доме” на Фридрихштрассе, в самом центре Берлина, рядом с Унтер ден Линден. Это было время чемпионата мира по футболу, в поклонники которого я не записан, а потому ничего в нем не понимаю, зато способен оценить культурную программу, всегда сопутствующую главной футбольной сродке на нашем крупном, как мяч, земном шаре.

...По соседству с “Русским домом” – бывший рынок, а сейчас – совершенно фантастическая площадь Жандарм-маркет, ограниченная двумя церквями: французской и немецкой. В центре – Концертхаус, аналог нашей филармонии с известной лентницей, где разгоряченный Борис Николаевич Ельцин лет десять назад дирижировал оркестром. Вот уже четвертый год подряд на Жандарм-маркет проводятся вечера под названием “Классика под открытым небом”. Площадь перегораживают, ставят стулья на четыре тысячи зрителей. Нынешний цикл включал пять программ, среди них – французская ночь, вечер итальянского вокала, что меня интересовало более всего, классический Берлин, латино-классик и рок-концерт, к которому я остался безучастным. Французский вечер привлек именем Жюльет Греко, на сегодня самой знаменитой дамы французского шансона. Ей почти восемьдесят, и в программе ее имя оказалось зачеркнутым – видимо, не смогла приехать. Весь вечер играл огромный оркестр на сцене, которая была, естественно, ограждена от дождей в отличие от зрительного зала, открытого всем ветрам. Начало концерта мимута в минуту совпало с проливным дождем. Слушатели бросились покупать дождевики за 5 евро, зал засиял разноцветными зонтиками, но никто не ушел – вот что значит немецкая вежливость (или аккуратность). Звучала музыка Бизе и Орфенбаха, фрагменты из “Кармен” и “Орфей в аду”. И здесь хочется сказать несколько слов о живом звуке, за который борется сейчас вся эстрада. Большой симфонический оркестр играл живую и был отлично подзвучен. Результат был потрясающим, хотя бушевала непогода. Все певцы пели тоже живую, и вообще немцы, похоже, не могут даже предположить, что можно воспользоваться фонограммой. Как у нас, предположим, на Васильевском спуске. Немецкая звезда кабаре и мюзик-холла Ута Лемпер пела из репертуара Эдит Пиаф, делала это красиво и эмоционально, без подражания, да и песни были по-иному аранжированы. Второй вечер – “Дольче вита” – был отменен из-за дикой грозы. И хотя к началу молнии уже не сверкали, организаторы побоялись, что запоздалый зигзаг попадет в аппаратуру.

В этот же вечер на знаменитой “Лесной сцене” – так называется открытая площадка в пригороде Берлина (кстати, из этого зала на 12 тысяч слушателей часто идут трансляции выступлений больших симфонических оркестров) – в сопровождении оркестра Берлинской Оперы пели Пласидо Доминго, Роландо Вилья-

сон и наша знаменитая Анна Нетребко. Там концерт состоялся, несмотря на непогоду.

С билетами на “Дольче вита”, которые действовали на следующий день, я отправился на вечер берлинской классики. Балет Фридрихштадтталаса казался живой декорацией, на фоне которой исполнялись довоенные песни, в основном из репертуара Марлен Дитрих. Опять пели без фонограммы, что не уставало поражать: программа оказалась сделанной на высшем уровне. Билеты на вечера стоили от 40 до 90 евро. Цены для Европы вполне доступные, их не назовешь низкими, но все-таки они не такие заоблачные и фантастические, как у нас на Мадонну – до сих пор непонятно, на кого рассчитаны места по 2 тысячи долларов и кто может купить такие билеты?

Таким образом, Германия для меня оказалась больше эстрадной. К сожалению, Штаатсопер, спев под занавес “Кармен”, была уже закрыта, и я не смог увидеть Володю Малахова, которого все неустанно хвалят в “Чайковском” балете Бориса Эйфмана, который я считаю замечательным.

В последний вечер пошел во Фридрихштадтталас. Думаю, что культуры европейского варьете сегодня уже не существует нигде. Немцы очень любили этот жанр, подавали его безумно вкусно, изобретательно, красиво. И когда давали коронный номер – 64 герлз кидают большие батманы – это неизменно впечатляло. Попал на последний спектакль сезона. Вышел директор, который говорил о тех людях, которые закончили свой творческий путь в труппе, их благодарили, им аплодировали. Вообще культурная жизнь в Берлине показала мне интенсивной и больше молодежной. В хорошем смысле. Везде ночные бары, дискотеки, кино, улыбающиеся молодые лица.

И последнее. Я попросил Диму Погорельского – корреспондента НТВ в Германии, сына нашей знаменитой актрисы Ирины Карташовой, показать мне, где похоронена Марлен Дитрих. Он узнал, где находится небольшое кладбище, одна из частей которого – еврейские захоронения. Мы стали искать могилу Марлен Дитрих, но никаких указателей нет, народу – никого. Тем не менее нашли – гранитный камень 60 на 60 см – не больше, на котором выбита одна фраза из сонета “Прощание с жизнью” поэта и драматурга начала XIX века Теодора Кернера: “Здесь я стою у порога своих дней”. Марлене. 1901 – 1992. И больше ничего: ни стелы, ни памятник, ни ее абриса, ни любого ангела. Ни одного цветка. Я не о том, что забыли, наверное, ее забыть невозможно, но факт немецкой лаконичности налицо.

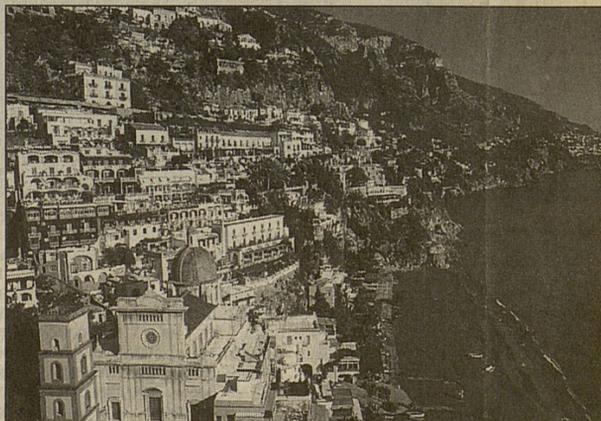
Позитано близ Сорренто

Естественно, без Италии мне было бы прожить трудно. И коль скоро выдалась возможность поехать туда на десять дней, я ею воспользовался. Тем более что в это же время отправился в Италию Владимир Викторович Васильев. Он должен был поехать с Екатериной Сергеевной Максимова (мне, правда, проще сказать – Володя и Катюша). Но так сложилось, что Катя не поехала, дали о себе знать старые профессиональные травмы, да и заботы об ученицах, которых она старается не бросать, не отпустили.

Позитано – курортный городок около Сорренто. Очень популярный и в Италии, и в мире. Не только благодаря морю и климату. В Позитано дом Франко Дзеффирелли, рядом – знаменитые острова Ли Галли (Петухи), где жил Леонид Мясин, а потом – Ру-

В. Васильев получает премию “За сказочные воспоминания балета ушедшего века”

Позитано

дик Нуреев. Иностранцы, особенно американцы, приезжают туда на 2-3 дня, чтобы вдохнуть сладкую атмосферу ботемы. Еще недавно, менее столетия назад, Позитано был деревушкой на берегу моря, круто взбравшейся в горы. Узкий кусочек пляжа называется “гранде пляж Позитано”, но это “гранде” – не более 200 метров в длину и 100 метров в ширину. В 1913 году в эти места случайно заехал Дягилев с Нижинским. Потом место, где находился тот отель, в котором они останавливались, купил Дзеффирелли и построил там шикарную виллу с белыми колоннами. Он, правда, здесь редко бывает. Итальянцы объясняют это тем, что мастер стал “гранде паццо” – большим сумасшедшим, что тем не менее не мешает им гордиться выдающимся режиссером. Когда в 1982 году снималась его “Травиата”, где фантастическое антре танцевали Володя и Катя (кому это неизвестно?!), Дзеффирелли пригласил их погостить в Позитано, они даже ночевали в той комнате, где на стене была прибита дощечка: “Здесь останавливался Ваулав Нижинский”. В начале 20-х годов в этих местах оказался Леонид Мясин и, очарованный здешней красотой, купил два острова. Говорят, не купил, а Дягилев подарил их ему, но это уже легенда. Мясин обжил острова, посадил кипарисы и зелень вокруг возвышавшейся там сарацинской башни. Он был человеком странным, во всяком случае, так утверждают старожилы. У него была овчарка по имени Зайчик, и вместе с ней он ходил вдоль лавельского порта и кричал в мегафон тем людям и катерам, которые шли к пристани: “Зона привато”. Потом его сын Лорка Мясин, балетмейстер, продал остров Рудки Нурееву, легендарный пласт – за 15 миллионов долларов. Последние годы здесь было его прибежище, где летом 1992 года он медленно уходил из жизни. Естественно, Позитано – место особое, балетное, где случаи соединены такие фантастические имена. И в 1969 году знаменитый критик, ныне здравствующий Альберто Тесто, придумал премию “Позитано”, которая через 10 лет была переименована в “Премию Лео-

нида Мясина”. За эти десятилетия, естественно, многие ее получили: Карла Фраччи и Франко Дзеффирелли, Володя Малахов и Роберто Болли, Наташа Макарова и Жарко Пребил, Катя и Володя.

Тесто, ему сейчас 82 года, сам режиссирует и ведет церемонию, и нынешняя, 35-я юбилейная, не стала исключением. На гранде пляже кладется настил, возводится сцена, ставятся стулья. Мы часто гуаем наши церемонии: “Золотую Маску”, “Душу танца” журнала “Балет”, но просто мы не видели иных. В Позитано не придумывают ничего, долго проверяют микрофоны, затем к ним подходят Тесто и сексуальная барышня – телеведущая с красивым голосом и полуобнаженным бюстом. Но особая атмосфера все равно существует – все говорит о том, что это место овеяно балетом, и действительно, кажется, ручка подат под островов Мясина – Нуреева. Перед каждой номинацией выходили официальные лица, представители муниципалитета Позитано, и произносили не менее официальные слова о том, как они хотят свой город превратить в столицу танца: на островах-де построим театр, где будут идти спектакли и фестивальные программы. Каждый год это говорится, но до сих пор временный зал сооружают на пляже. Про концерт не буду говорить подробно. Итальянский балет находится не в самом хорошем состоянии за исключением Алессандро Ферри и Роберто Болли, которых соотечественники справедливо считают мировыми звездами и ими гордятся. Тот концерт, по преимуществу ученический и беспомощный, нельзя сравнить даже с нашим фестивалем в Артеке. Более-менее успешно выступил Карбоне, юный представитель знаменитой итальянской танцевальной фамилии (его отец танцевал в театре “Сан Карло” в Неаполе, сейчас – педагог Римской Оперы). Алессандро Карбоне, солист Парижской Оперы, танцевал номер Бажара.

Наград было много, и каждая имела свой сертификат за те или иные заслуги. Один из призов получил Джузеппе Пиконе из Римской Оперы. Он танцевал фрагмент нового спек-

такля, поставленного знаменитым итальянским музыкальным режиссером Беппе Менегатти, мужем Карлы Фраччи. Каждый год он придумывает какой-то спектакль для супруги. В данном случае за основу была взята повесть Теннесси Уильямса “Римская весна миссис Стоун”, которую драматург посвятил великой Вивьен Ли. В фильме по этой повести Ли сыграла последнюю большую роль. Потрясающая история. 40-летняя женщина в Риме на площади Испании знакомится с молодым человеком, влюбляется в него, но выясняется, что он зарабатывает на ней деньги. Роль, которую играла Вивьен Ли, танцует Фраччи, а Жигало – Пиконе. Свой монолог он исполнял под вокальное сопровождение, что, кстати, сегодня модно на Западе. Премия была вручена и солисту Марининского театра Дарье Павленко. Перед ее выступлением Тесто вспомнил свои впечатления от танца великих русских балерин, начиная от Анны Павловой, которую он действительно видел в конце 20-х годов. Павленко танцевала “Умирающего лебедя” – номер, ставший знаком, или, как сегодня модно говорить, брендом, русского классического балета. Мне кажется, что “Лебедя” имеют право танцевать только выдающиеся актрисы. Именно актрисы. В XX веке – Павлова, на которую он и был поставлен, Галина Уланова, Майя Плисецкая, Иветт Шовире. И Ульяна Лопаткина – в XXI веке. Выучить порядок несложных движений может любая балерина, но выходить в этом номере, не привнося ничего личного, просто нельзя. И Даша Павленко лишний раз в этом убедилась, хотя по школе она была на тысячу голов выше всей этой концертной самодельности. Летняя эстрада без кулис позволяла видеть, как танцовщики “заряжаются” на выступление. Простите, не верю, что можно за десять минут приобрести, загримироваться и сыграть роли в “Лебедином озере”. Есть такие спектакли, которые требуют собранности, погружения, фокинский “Лебедь” – из их числа. Павленко же в белой пачке пару раз поднялась на пальчики, сделала поре два и вышла на сцену. Мне было очень обидно, что великая русская школа балета представлена так неинтересно.

Во второй части премии “За сказочные воспоминания балета ушедшего века” вручали Васильеву и Максимова. Дежурный антураж не изменил: на сцене поставили стулья, шумно расселись. Не хватало ума включить музыку, например полонез из первого акта “Лебединого”, на время рассадки. К микрофону подошел взволнованный Алессандро Карбоне: “Я не могу поверить, что нахожусь на сцене, где сидит Владимир Васильев. По видеозаписям его спектаклей я учился танцевать. Он, конечно, не помнит, но в 1989 году я был с ним на сцене впервые”. Тогда был мир отмечал 100-летие со дня рождения Вацлава Нижинского, в театре “Сан Карло” Беппе Менегатти придумал спектакль, в котором Васильев танцевал и играл Нижинского, а также замеча-

тельно читал фрагменты его дневника на итальянском языке. Там было множество исторических персонажей: Кшесинская, Преображенская, Павлова, роли исполняли замечательные балерины, среди них – Карла Фраччи и Екатерина Максимова. Жаль, что никто не взялся хотя на один показ привезти этот спектакль в Москву, а ведь ради Володи участники не попросили бы никаких гонораров. Так вот в том спектакле шестилетний Алессандро Карбоне играл маленького Нижинского. И из уст артиста полились прилагательные в высшей степени, которые говорятся во всех странах мира о наших артистах. Но многие из них в родной России таких слов давно, к сожалению, не слышали. Все это я говорю потому, что не так много у нас актеров такого класса, сумевших сохранить простые и естественные человеческие проявления.

Когда объявили о награде Васильеву и Максимова, то встали все – и на сцене, и в зале. Овации продолжались 10 минут, а я не уверен, что многие из ликовавших видели на сцене Катю и Володю. Васильев очень естественно остановил аплодисменты и на итальянском языке сказал красивую и простую речь, адресованную молодым: “Время идет, раньше все премии, награды нам с Катюшей давали первыми, мы к этому привыкли, теперь я получаю награду последним. И ничего в этом страшного нет. Вы должны быть готовыми к тому, что пройдут эти 20 или 25 лет, закончится актерская биография, но жизнь продолжится. И вы должны себя в этой жизни найти”. Потом все подошло к Володе прикоснуться, поддержать. Все знают его как легенду, и она, эта легенда, оказывается такой простой. Вокруг звучало: “Володя, ты помнишь, мы виделись в Риме, а я работал с вами в Неаполе, а я в “Анютэ” танцевал...” Он всех помнит и жизнью каждого интересуется!

Все рассказанное – события одного вечера. Утром этого дня я прилетел в Рим, потом сразу вместе с Васильевым поехали на юг. По дороге остановились у Виолетты Прохоровой, знаменитой русской балерины: Володя привез ей книжки, которые она хотела прочитать, и уже вечером были в Позитано, еле успев на торжество. Еще одна занятная деталь. Естественно, все гостицы в эти дни были переполнены, и не было никакой возможности даже на одну ночь найти свободный номер. Синьора Мария, хозяйка отеля, давняя поклонница Володи, которая, конечно, меня не знала, протянула ключи от своих апартаментов, в 6-м этаже от гостицы с тремя балконами она не взяла денег. Утром мы покинули Позитано.

Музыкальный остров

На Эльбу я мечтал попасть давно. На этом знаменитом острове уже десятый сезон проходит музыкальный фестиваль под руководством Юрия Башмета. Все улицы пестрили плакатами: “Эльба – музыкальный остров Европы!” Наверное, так и есть. Островом рядом множество: Сардиния, Сицилия, Мальта, но такого фестиваля нет нигде. Его придумал Башмет со своим другом детства, однокашником по львовской школе Жоржем Эдельманом. Поначалу они вместе с фестивалем путешествовали, а потом решили осесть на одном месте. Местом стала Эльба. Каждый год участники фестиваля меняются, состав зависит, конечно, от привязанностей Юрия Абрамовича. Сам остров, надо сказать, небогат архитектурными памятниками, и его гордость – музыкальные вечера. Они проходят в театре с говорящим названием “Наполеонико”. Его открыл сам французский император в неосвященной церкви. Зал небольшой, человек на 350: партер на сто мест и три яруса, где в каждой ложе сидят по 2 человека. Первый вечер был посвящен Шостаковичу, звучали его Третьяк, прелюдия, Соната для альта и фортепиано. Скрипка – Виктор Третьяков, виолончель – Мари-Элизабет Хекер из Германии и, конечно, сам Юрий Башмет. От Башмета знаю, что соната, одно из последних сочинений композитора, была написано для педагога Башмета – Федора Дружинина. Сказать, что это музыка в привычном понимании, не могу – это

исповедальный монолог рыдающего человека. В нем – все: страна, судьба каждого, кто жил в то время и, конечно, личность Башмета. Воздействие потрясающее. Двойное открытие души: сначала свою душу распахнул Дмитрий Дмитриевич, потом – Юра Башмет. В фестивале было много замечательных программ: в “Аудиториуме” под открытым небом проходил вечер Моцарта, где солировал потрясающий французский кларнетист Мишель Порталь. Один из концертов был посвящен Шуману. Но ни один из этих памятных концертов не перекрыл потрясение от первого, исповеди Шостаковича. Такая деталь: на концерты все музыканты выходили на сцену в черном. Не всегда в смокингах, подчас – в рубашках или даже в балахонах, теперь это допустимо.

Римская ночь

Возвращался в Москву, естественно, из Рима и получил от этого великого города подарок. Уже четвертый год муниципалитет выделяет большие деньги на проведение 9 сентября праздника “Белая ночь”. Название не объяснимо, потому что никаких белых ночей в Италии нет и просто быть не может: уже в восемь вечера полная тьма, сверкают только звезды. Всю ночь на всех площадях идут спектакли, открыты все музеи и церкви. Бесплатно. Все жители – на улицах, народу – уйма, видимо, невидимо. Итальянцы любят пестрь, поэтому, естественно, на всех улицах – пицца, красное вино и поркетта – такая запеченная свинина. Мне захотелось на Капитолийский холм, где показывали балет на музыку Берлиоза “Ромео и Юлия” в хореографии доводило известного в Италии Амадео Амадио, танцевали любимцы – Алессандро Ферри и Роберто Болли. Из-за непригодной сцены и огромного числа зрителей видно было плохо, но крупные планы транслировались на экранах. Хотя и без них было очевидно, что Ферри – отличная актриса, в ее игре масса подробностей и деталей. По актерской выразительности Болли ей заметно уступает, хотя танцует хорошо. Актерские возможности были заявлены уже в первой встрече героев, эта сцена шла не под музыку, а под записанный разговорный диалог Ромео и Джульетты.

На соседней площади пел Джанни Маранди, нестаревший мальчик итальянской эстрады. Ему 65 лет, он бодр и спортивен, его возраст, как у нашего Олега Газманова, трудно определить. Потом подошел к театру “Аргентино”, рядом с которым развалины бывшего Римского сената, где убили Цезаря. Там в 23 часа знаменитый драматический артист (не думайте, что хожу только на балеты!) Джорджо Альбертаццо играл “Убийство Цезаря”. Он – из плеяды знаменитых: Витторио Гассман, Анна Маньяни, Эдуардо Де Филиппо. В 1968 году вместе с женой Анной Проклеме Альбертаццо приехал в Москву, они играли классику. Вместе со всеми зрителями я стоял на балюстраде и смотрел вниз. 82-летний Альбертаццо выглядит намного старше нашего Владимира Михайловича Зельдина, хотя Зельдину уже без восьми сто! Зрелище было любопытным, но площадку для него – не лучшая площадка, такие серьезные спектакли требуют погружения. В знаменитом театре “Валле”, где играли Гассман, Элеонора Дузе, Анна Маньяни, давали поэтическое представление. Во всех скверах сидели трио и квартеты и исполняли дивную классическую музыку.

Автобусы и метро работали всю ночь и бесплатно. Рим бурлил, в музеи и церкви стояли очереди, и экскурсоводы пускали желающих партиями, каждой рассказывая историю тех великих мест, рядом с которыми они живут. Римляне узнают в эту ночь что-то новое о своем городе-памятнике.

У нас тоже есть день города и тоже в сентябре. Но в Москве явно прослеживается эстрадно-цирковая направленность подобного праздника. Как было бы хорошо в такую ночь открыть музеи и театры, выпускать всех желающих бесплатно, а у памятников Пушкину, Есенину, Маяковскому устроить поэтические спектакли! А улицы заполнить бы классической музыкой!

Записала
Елена ФОКИНА